

А. В. Мангилёва
БЫТОВАЯ КУЛЬТУРА ДУХОВЕНСТВА УРАЛА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Заявленная тема слишком широка, чтобы удалось полностью раскрыть ее в тексте заданного объема, поэтому придется остановиться лишь на одном ее аспекте: семейные взаимоотношения в среде белого приходского духовенства, изменения, произошедшие в этой сфере в первой половине XIX в. В качестве источниковой основы будут использованы воспоминания и детские дневники архимандрита Антонина (Капустина) и очерки его младшего брата, профессора Пермской духовной семинарии М. И. Капустина, воспоминания профессора Казанской духовной академии И. Я. Порфирьева, а также воспоминания и художественные произведения Д. Н. Мамина (Сибиряка). Все они были сыновьями приходских священников, но детство их прошло в разных условиях. И. Л. Капустин и Я. М. Порфирьев служили на сельских приходах (первый – в Пермской епархии, второй – в Вятской), причем священнические места они получили еще по наследству от своих отцов, а Н. М. Мамин был настоятелем заводского прихода. С другой стороны, Капустины и Мамины издавна принадлежали к духовному сословию, тогда как дед Якова Порфирьева был крестьянином, отец носил еще «простонародную» фамилию Перфильев, и лишь сам Яков и его братья получили фамилию, образованную от канонической формы имени Порфирий¹ (вероятно, это произошло в семинарии).

Матери мемуаристов происходили из семей священнослужителей. И. Я. Порфирьев пишет о своей матери, что «она взята была из богатого, можно сказать, аристократического дома, который [...] был устроен на широкую барскую или помещичью ногу»². Воспитание ее он называет «домостроевским», что предполагало умение женщины вести большое хозяйство, воспитывать детей, а также ее правильное поведение с церковной точки зрения. «Она не имела книжного образования. Но она унесла из своего родного дома то доброе, порядливое нравственное и хозяйственное воспитание, под влиянием которого она находилась. И все по-

¹ Сам И. Я. Порфирьев вспоминал, что в детстве он знал многих родных своего отца, оставшихся крестьянами (Воспоминания Ивана Яковлевича Порфирьева, профессора русской словесности Казанской духовной академии. // Православный собеседник. № 2 (10), 2005. С. 88). Капустины и Мамины вошли в состав духовного сословия на рубеже XVII–XVIII вв. (См.: Мосин А. Г. Исторические корни уральских фамилий. Екатеринбург, 2008. С. 85, 376; РГИА. Ф. 834 (Рукописи Синода). Оп. 4. Д. 1118. Дневник архимандрита Антонина. Т. I (1817–1835 гг.). Л. 2.).

² Воспоминания Ивана Яковлевича Порфирьева. С. 111.

лученное от отца и матери старалась в возможной степени упрочить в своем доме и своей семье»³.

Вряд ли умела читать и жена И. Л. Капустина: ее воспоминания были записаны ее внучкой, дочерью екатеринбургского священника⁴. С другой стороны, большинство женщин в семье Капустиных уже в начале XIX в. были грамотны⁵. Грамотна была и жена Н. М. Мамина, причем для нее чтение – и любимый вид досуга (как и для всей семьи), и одно из средств воспитания и обучения детей. «К этому времени относится чтение «Фрегата “Паллады”» Гончарова. Я с нетерпением дожидался вечера, когда мать кончала дневную работу и усаживалась к столу с заветной книгой. Мы путешествовали уже вдвоем, деля поровну опасности и последствия кругосветного путешествия. [...] Встречалось, конечно, много неизвестных мест и непонятных слов; но эти подводные камни обходились при помощи словаря иностранных слов и распространенных толкований»⁶.

Следует признать, что безграмотность дочерей духовенства была довольно типичной для первой половины XIX в. Грамотность женщин в семьях Капустиных и Маминых объясняется, вероятно, особенностями характеров их отцов. Леонтий Капустин окончил Тобольскую семинарию еще в те времена, когда получение духовного образования было для Урала редкостью: «родитель очень огорчился семинарством Леонтия, боясь, что мальчика заморят голодом»⁷. Выраженные интеллектуальные интересы, унаследованные и его потомками, могли заставить о. Леонтия позаботиться и об образовании дочерей. Кроме того, о. Леонтий, став-

³ Воспоминания Ивана Яковлевича Порфирьева. С. 95.

⁴ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1118. Л. 13.

⁵ Архимандрит Антонин о своих тетках: «Их три милые сестрицы // Были также мастерицы // Шить стихи и стряпать стопы // К удивлению Европы» (Цит. по: *Кириан (Керн), архим.* О. Антонин Капустин – архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1817–1894 гг.). М., 1997. С. 16). Можно, конечно, сочинять «вирши» и не умея их записывать, но в одном месте своего дневника о. Антонин пишет о своих бабке и тетке: «А матушка их приготовила собственноручные пельмени; А сестрица белоручка состряпала приличные сей оказии вирши...» (РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1122. Л. 76 об.). Постоянное применение по отношению к стихотворству теток глаголов, обозначающих женские виды домашних работ («стряпать», «шить») намекает все-таки на какие-то физические действия (запись стихов), а не только умственные (их сочинение). Эпитет «белоручка» также обозначает скорее не полное отсутствие действий, а противопоставление «низменного» ручного труда (лепка пельменей) «высокому» (записи стихов).

⁶ *Мамин-Сибиряк Д. Н.* О книге // Мамин-Сибиряк Д. Н. Повести, рассказы, очерки. М., 1975. С. 476–477.

⁷ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1118. Л. 7.

ший протоиереем и благочинным, стремился во всем подражать дворянству, что также предполагало обучение дочерей чтению.

Д. Н. Мамин-Сибиряк рисует своего деда с материнской стороны человеком, абсолютно равнодушным к чтению⁸, но С. С. Стефанова довольно неожиданно реабилитирует клировая ведомость за 1850 г. Напротив его имени стоит отметка благочинного: «Занимаясь чтением книг, познания в истинах веры приобрел очень хорошие»⁹. Это единственное упоминание о любви к чтению во всей клировой ведомости, включающей сведения о причтах 18 церквей, т.е. о нескольких десятках человек. Так что и здесь на воспитании дочерей сказались интеллектуальные интересы отца, а также его раннее вдовство: «жена унесла из дому половину жизни, а вторую унесли дочери, когда вышли замуж»¹⁰. Оставшиеся без матери девочки, вероятно, вызывали у отца желание сделать для их развития больше, чем было принято, а после их ухода из дома он утратил прежние жизненные интересы и привычки, что и было позднее отмечено его внуком. Кроме того, А. С. Мамина относится все-таки к следующему поколению дочерей духовенства, на образование которого обращали уже большее внимание, нежели в начале XIX в. Тем не менее, о почти всеобщем обучении дочерей духовенства грамоте можно говорить лишь с 1860-х гг.

Об уровне культуры женщины судили по другому показателю: пониманию ею сути церковного учения, причем и здесь речь идет не о книжном знании богословия, а правильном с церковной точки зрения отношении к различным жизненным ситуациям. Тот же И. Я. Порфирьев противопоставляет свою мать другим «духовным дамам» сельского прихода, поскольку те «жили совершенно по простоте и старине чуть ли еще не языческой эпохи»: «... во время Святков, матушки-попадьи и матушки-дьяконицы, желая, может быть, от души, доставить матушке удовольствие и развлечение, явились к ней наряженными по-святочному: турчанками, татарками, цыганками и черемисками, и страшно матушку напугали. Они начали плясать, кривляться и говорить разные глупости, не совсем приличные для их положения. Матушка совершенно стеснилась и не знала, что с ними делать, и они сами, заметив испуг и стеснение матушки, сами почувствовали неловкость своего положения и скоро убежали. Матушке не понравился такой фарс, хотя в нем, в сущности, не было ничего нехорошего, а попадьи и дьяконицы долго удивлялись, как матушка не могла понять самой невинной шалости и приняла их неласково»¹¹.

⁸ Мамин-Сибиряк Д. Н. Отрезанный ломоть // Мамин-Сибиряк Д. Н. Повести, рассказы, очерки. С. 424.

⁹ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 520. Л. 16.

¹⁰ Мамин-Сибиряк Д. Н. Отрезанный ломоть. С. 427–428.

¹¹ Воспоминания Ивана Яковлевича Порфирьева. С. 120–121.

Итак, женская грамотность в начале XIX в. не была особо ценима духовенством. Главное, что требовалось от женщины – ее умение вести хозяйство. В этом отношении взгляды клириков не отличались от взглядов крестьянства, да и жен они достаточно часто выбирали себе из крестьянской и мещанской среды (особенно церковнослужители – дьячки и пономари)¹². Изучение клировых ведомостей начала века показывает также, что довольно часто в семьях жена была на несколько лет старше мужа. Для сыновей духовенства было важно жениться как можно раньше, чтобы закрепить за собой права на место в церковном штате и, по возможности, получить священнослужительский сан, а вот в невесте, видимо, ценилось прежде всего здоровье и физическая крепость¹³. В качестве уже курьезного примера подобного брака архимандрит Антонин упоминает свадьбу сестры своего деда Вассы, «уже очень пожилой девицы с молодым дьячком Ив. Андр. Хайминым (которого та прежде нянчила)»¹⁴.

Физическая сила ценилась в женщине потому, что женам духовенства приходилось выполнять те же работы, что и крестьянкам (за исключением, разве что, работы в поле, которая обычно выполнялась помочанами, да и то это исключение существовало, по-видимому, только для жен священнослужителей). Помимо работы в доме, на женщине лежал уход за домашним скотом и птицей, работа на огороде. При этом основными помощниками становились подросшие дети. «Несмотря на большое хозяйство, прислуги не держали: не говоря о горничной, часто не было даже няни, хотя постоянно были маленькие дети. Кухарка была всегда, но она могла только печь хлеб, варить квас и ходить за скотом; приготовить кушанья к столу и другие дела делать должна была сама матушка. Сестры были еще малы и не могли помогать ей»¹⁵. Помимо этого, мать И. Я. Порфирьева занималась ткачеством, обеспечивая всю семью домашней одеждой¹⁶. Такую же ситуацию, но уже как карикатурную описывает М. И. Капустин: «Поддержка городских порядков в деревне, конечно, стоила немало, и хозяин экономничал страшно в содержании семейства; детей одевал бедно, так что совестился показывать заезжим гостям – потому детей обыкновенно заставляли прятаться от посторонних.

¹² См.: Мангилёва А. В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX в. (на примере Пермской епархии). Екатеринбург, 1998. С. 76.

¹³ Такая разница в возрасте могла быть вызвана и тем, что жених по традиции мог получить в дальнейшем штатное место своего тестя, но подобное объяснение возможно лишь тогда, когда невеста была из «духовной» семьи, между тем много таких примеров и в межсословных браках.

¹⁴ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1118. Л. 9 об. – 10.

¹⁵ Воспоминания Ивана Яковлевича Порфирьева. С. 115.

¹⁶ Там же. С. 116.

Прислуги в доме не держали никакой. При претензиях на дворянские порядки с о. Леонтием случались иногда курьезные вещи, – как например свою жену-красавицу незнакомым посетителям выдавал за кухарку или горничную своей жены, коль скоро ее заставляли за стряпней или мытьем полов»¹⁷. В данном случае мемуарист осуждает «дворянские претензии» своего деда, но воспоминания И. Я. Пофирьева убеждают в том, что Леонтий Капустин не только «экономничал», но и следовал сложившемуся обычаю. Сельский священник, обустроивший свой дом по неким дворянским образцам, стремится сгладить возникающее противоречие перед посторонними, но в повседневной жизни отсутствие прислуги вряд ли сильно его беспокоило, поскольку соответствовало тогдашним нормам духовного сословия.

Со временем положение женщин в семьях духовенства изменяется. Во-первых, уже во втором десятилетии XIX в. значительно сократился приток в духовное сословие женщин из других сословий¹⁸, что показывает рост сословного самосознания духовенства. Поскольку теперь происхождению жен придается большее значение, то и статус женщины в семье повышается. В семьях священнослужителей появляется женская прислуга, правда, состав ее остается прежним: это уже упоминавшиеся кухарки и няньки¹⁹, а вот о горничных по-прежнему речь не идет. Исключением являются лишь дома богатых городских священников, занимавших различные административные должности в епархии. Соотнесение их административных обязанностей со службой губернских чиновников приводило и к сходству в образе жизни. И. Я. Порфирьев вспоминает, как в конце своего обучения в Вятской семинарии, он был взят репетитором в дом кафедрального протоиерея Азария Шиллегодского. «Обстановка в доме Шиллегодских и вообще вся их жизнь была устроена на аристократическую ногу, и они водили знакомство с первыми вятскими аристократами из чиновничества. Детей своих они воспитывали очень заботливо. В это время еще не было ни одного женского учебного заведения в Вятке, но дочерей своих они учили посредством домашних учителей, приглашая для этого семинаристов, а иногда и учителей семинарии. Кроме наук учили их играть на фортепианах и танцам, что в 40-х гг. в духовном кругу было еще новостью и редкостью»²⁰.

¹⁷ *Капустин М. И.* Преосвященный Иннокентий (Коровин). // Труды Пермской Губернской ученой архивной комиссии. Вып. VI. Пермь, 1903. С. 101.

¹⁸ *Мангилева А. В.* Указ. соч. С. 76–77.

¹⁹ Такой состав женской прислуги упоминается Д. Н. Маминым-Сибиряком (См.: *Дергачев И. А.* Д. Н. Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество. Свердловск, 1977. С. 12).

²⁰ Воспоминания Ивана Яковлевича Порфирьева. С. 162.

Образование, которое получают дочери А. Т. Шиллегодского, действительно является исключительным, но вообще стоит отметить изменения, произошедшие в отношении духовенства к детству. Прежде всего эти изменения заметны на примере воспитания сыновей. Если отец Леонтия Капустина не хотел, чтобы сын учился в семинарии, опасаясь, что того заморят голодом, то у духовенства начала XIX в. выбора уже не было: уклониться от обучения сыновей стало почти невозможно. Более того, поскольку с 1797 г. было запрещено рукополагать во священники лиц без семинарского образования, наиболее прагматичные отцы уже и сами стремятся обеспечить сыновьям обучение до окончания полного курса. К таким прагматикам можно отнести того же Леонтия Капустина, сделавшего, как уже было сказано, хорошую карьеру благодаря своему обучению. Тем не менее, именно он и проявил слабость, когда речь зашла об отправке в семинарию младшего сына Ивана: «Суровый в домашней своей жизни дед не устоял против слез жены своей за любимца-сына [...] он сумел добиться у Иустина разрешения взять сына домой для домашнего приобщения к причетничеству»²¹.

О. Леонтий знал, что такое семинария, поэтому и сдался на слезы жены. Младшее поколение священнослужителей, также вкушившее не только семинарской науки, но и семинарской жизни, стремится, по крайней мере, сократить время пребывания сыновей в духовной школе. Чаще всего старались подготовить сыновей к поступлению сразу в старшие классы уездного училища. И. Я. Порфирьев вспоминает, что отец возил его представляться ректору уездного училища, тот проэкзаменовал будущего ученика и записал его сразу во второй класс, но отец не удовлетворился и этим и, под предлогом болезни сына, попросил ректора отпустить того домой до окончания рождественских каникул. «Заметив, что в прошение вложена пятирублевая синяя ассигнация, он охотно согласился»²². Готовился к поступлению сразу в высшее отделение и Дмитрий Мамин, причем отец готовил его к поступлению вместе со старшим братом, видимо надеясь, что вдвоем им будет легче прижиться в новой среде. Тем не менее, и здесь после экзамена поступление в училище было отложено, поскольку Дмитрий не смог скрыть от отца страха перед училищными порядками. «Заглушая рыдания, я рассказывал, как мне было тяжело, какое ужасное место наше “высшее отделение”, отчаянная бурса и вообще все училищные порядки. Но меня еще больше поразило, когда я услы-

²¹ Капустин М. И. Поэзия и проза в старой Пермской семинарии. // Труды Пермской Губернской ученой архивной комиссии. Вып. IV. Пермь, 1901. С. 17. Епископ Иустин (Вишневский) возглавлял Пермскую кафедру в 1802–1823 гг.

²² Воспоминания Ивана Яковлевича Порфирьева. С. 100.

шал, что отец тоже плачет. [...] Он обнимал меня, целовал и говорил, что увезет домой, что и сделал»²³.

В этих двух случаях, особенно в последнем, явственно выступают уже новые черты в отношении к детству: стремление оградить ребенка от психологических травм, а не только от каких-то материальных лишений или чрезмерной учебной нагрузки, как было ранее. Характерен в этом отношении еще один эпизод из воспоминаний Д. Н. Мамина. Отправившись на Пасху навестить своего деда, он присутствует при обходе духовенством домов прихожан. «Мой отец никогда не позволял мне провожать его в этом случае, но в Горном Щите я с детьми о. Вениамина отправился по приходу с иконами. То, что пришлось мне увидеть, привело меня почти в отчаяние. Почти все село, за редкими исключениями, поголовно было пьяно. [...] Дедушка увидал меня в толпе провожавших иконы, подозвал к себе и, погрозив пальцем, строго сказал:

– Ступай домой, Митус... Тебе тут нечего делать»²⁴.

Справедливости ради надо отметить, что подобное отношение к детству еще не было широко распространенным явлением. Тот же о. Вениамин придерживается более традиционных взглядов на воспитание и считает, что к особенностям церковной службы надо привыкать заранее. И. Я. Порфирьев также вспоминает, что детство его самого и его братьев прошло по большей части в семье, поскольку с детьми других клириков им было неинтересно. «Мы не умели лазать по заборам и крышам, разорять птичьи гнезда, дразнить и бить собак, да и им было с нами скучно»²⁵. Тем не менее, именно такие семьи становятся образцами для подражания и оказывают влияние на остальных.

Стремление оградить детей от уродливых сторон приходской жизни не означает, разумеется, исключения религиозных и церковных элементов из воспитания детей и быта. И. Я. Порфирьев вспоминает, что первой книгой, с которой он начал «находить в чтении вкус и интерес, были Четьи-Минеи Святителя Ростовского Дмитрия», затем он начал читать журнал Киевской духовной академии «Воскресное чтение», причем особо его привлекали проповеди ректора академии Иннокентия (Борисова)²⁶. Картину весьма насыщенной интеллектуально-духовной жизни рисует днев-

²³ *Мамин-Сибиряк Д. Н. Отрезанный ломоть. С. 395–396.*

²⁴ *Мамин-Сибиряк Д. Н. Отрезанный ломоть. С. 468.*

²⁵ *Воспоминания Ивана Яковлевича Порфирьева. С. 122.*

²⁶ Там же. С. 122. В семье Д. Н. Мамина-Сибиряка было принято чтение вслух классиков русской литературы, о существовании собственно детской литературы в доме священника узнают позднее (*Мамин-Сибиряк Д. Н. Книжка с картинками // Д. Н. Мамин-Сибиряк. Повести. Рассказы. Очерки. С. 476.*

ник Андрея Капустина (архимандрита Антонина): «Поправившись здоровьем, я начал заниматься кое-какими учебными делами, так, напр., переписывал Историю Шрекке, чем преимущественно занимался по утрам, сидя за одним столом с тятенькою, писавшим свои метрики. Вечерами занимались с ним же пением различных церковных песней, преимущественно же Рождественских. Занимались по временам вопросами учено-богослужебными, так, напр., делали классификацию церковных праздников»²⁷. Интересно, что так деликатно прививает сыну интерес к «учено-богослужебным» вопросам Иван Капустин, избавленный в свое время отцом от обучения в семинарии.

В целом можно сделать вывод, что изменения, происходящие в семейной жизни белого духовенства Урала в первой половине XIX в. свидетельствуют о росте сословной самооценки, развитии сословного менталитета, что является одним из ведущих признаков формирования «истинного сословия»²⁸.

²⁷ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1118. Л. 36.

²⁸ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т.1. С. 140.